

Инь Хуайсянь пришел в полдень — в самое спокойное время для Павильона Ланьтин.

Бай Ван беседовал с Цзы Янь и другими обитателями заведения. Цзы Янь, щелкая семечки, спросила:

— А Ван, когда ты уже съедешь отсюда?

Бай Ван, подперев голову рукой и привалившись к столу, рассмеялся:

— Сестрица Цзы Янь, ты снова меня выпроваживаешь.

— Не выпроваживаю, а забочусь. Через два года тебе исполняется двадцать — пора бы подумать о важных вещах, о женитьбе, о детях, — Цзы Янь вздохнула. Как он может быть таким беззаботным? Если разнесется слух, что он целыми днями пропадает в павильоне, какая порядочная девушка захочет выйти за него замуж?

— До двадцатилетия еще целых два года, — отмахнулся Бай Ван.

Поздние браки, мало детей, забота о качестве жизни — прекрасный принцип, просто замечательный. Пока Бай Ван предавался этим мыслям, Цзы Янь в сердцах хлопнула по столу:

— Живо собирай вещи!

— Не пойду, не пойду! — Бай Ван со смехом увернулся от ее руки, попытавшейся ущипнуть его, и в несколько прыжков спрятался за спину той самой ослепительно красивой женщины, что была здесь вчера. — Сестрица Яньчжи, спасай!

Яньчжи вытянула его из-за спины:

— От чего спасать? Цзы Янь права. Император не спешит, а евнухи суеются. Ну, признавайся, присмотрел себе какую-нибудь девушку? Мы поможем тебе сосватать.

Бай Ван промолчал и, продолжая улыбаться, начал пятиться от Цзы Янь, как вдруг врезался в чьи-то теплые объятия.

— Ой, прошу прощения, я не... — начал было извиняться он, но, обернувшись, осекся на полуслове и отпрянул, словно ошпаренный.

Перед ним стоял Инь Хуайсянь — все такой же безупречный и отстраненный, с глазами, ясными и холодными, как гладь горного озера.

— Даос, почему вы здесь? — Цзы Янь осеклась и поспешила его поприветствовать.

— Забираю его, — Инь Хуайсянь перевел взгляд на Бай Вана, и того пробрала дрожь.

— Забираете? Куда? — растерянно спросила Цзы Янь.

— В секту Цинсуй Цзюся, — ответил Инь Хуайсянь.

Цзы Янь замерла. Секта Цинсуй Цзюся... Даже она, женщина из увеселительного заведения, знала, что это за место. Путь самосовершенствования — мечта многих, но поговаривали, что только дети из знатных семей могут попасть туда, да и то лишь при условии исключительных природных данных.

Но Бай Ван никак не походил на того, кто соответствовал бы этим требованиям. Неужели этот даос поверил рассказам семьи Чжао о том, что Бай Ван практикует запретные искусства, и теперь пришел схватить его? Она знала, что Бай Ван владеет парой простеньких заклинаний, но верила, что в них нет ничего порочного.

— Даос, А Ван просто любит поозорничать, он не практикует никаких злых искусств, вы... — не успела Цзы Янь закончить, как Инь Хуайсянь едва заметно покачал головой:

— Я принимаю его в ученики.

Бай Ван развернулся и бросился наутек, но Яньчжи, предугадав его маневр, крепко схватила его за плечо:

— А Ван, ну куда ты бежишь?

— Не пойду, не хочу! Это место выглядит как рассадник главных героев! Кто знает, что там случится! Я не хочу быть пушечным мясом, я просто хочу тихо-мирно оставаться персонажем второго плана! — вопил Бай Ван.

Яньчжи, не понимая, о чем он несет, ухватила его за шиворот и подтащила к Инь Хуайсяню:

— Даос, держите крепче.

— Сестрица Яньчжи! Я буду скучать, я буду скучать по всем вам, не хочу я уходить! — Бай Ван вцепился в ее руки в отчаянной попытке спастись.

Услышав шум, сбежались остальные девушки. Выслушав объяснения Цзы Янь, они дружно указали на дверь и со смехом прогнали его:

— Проваливай уже!

Бай Ван совсем приуныл. Цинцин подошла и погладила его:

— Все желают тебе добра. Если останешься здесь, погубишь свою жизнь. Даос хочет обучить тебя — это же такая удача. А Ван, когда добьешься успеха, обязательно вернись проведать нас.

Бай Ван что-то буркнул в ответ.

— Вот и молодец, — улыбнулась Цинцин. — Иди собирайся, не заставляй даоса ждать.

Сборы затянулись до самого вечера. Бай Ван достал припрятанные за эти годы сбережения, купил Ин'эр гору леденцов и безделушек, каждой сестрице — по заколке, и лишь в конце кое-как покидал пару вещей в узел.

В тот вечер Павильон Ланьтин закрылся раньше обычного. Девушки спели для Бай Вана на прощание. Цзы Янь насильно всучила ему мешочек с медью и с тревогой наказала:

— А Ван, береги себя.

Не родня, но словно родные. Бай Ван вспомнил, как после перерождения узнал, что он — незаконнорожденный сын куртизанки, и приготовился к тяжелой доле. Кто бы мог подумать, что в этой жизни, хоть и без отца и матери, он не будет знать нужды, а вырастет в заботе этих добрых и чутких женщин.

За все тепло и счастье он не мог отплатить сполна. Бай Ван низко поклонился им, а обернувшись, увидел Инь Хуайсяня, который ждал его неподалеку.

Прекрасный, как нефрит, единственный в своем роде, в белых одеждах с мечом на поясе — он смотрел на него, и заходящее солнце окрашивало горизонт в тревожные кроваво-алые тона. Бай Вану вдруг показалось, что Инь Хуайсянь ждал его здесь целую вечность, так долго, что мир успел сменить не один цикл.

Что он сказал ему в прошлой жизни напоследок?

Бай Ван опустил глаза, пытаясь вспомнить, но в конце концов решил оставить это занятие и с улыбкой направился к нему.

Несколько дней спустя, в городке, до которого оставался день пути до секты Цинсюй Цзюсяо, прохожие то и дело оглядывались на двух спорящих путников. Один — в белоснежных одеждах, изящный и холодный, другой — в темных, живой и подвижный.

— Даос, ну я же говорю! Я знаю заклинания нашей секты не потому, что я гений, а потому что... ну, просто знаю! У меня ужасные природные данные! Секта Цинсюй Цзюсяо меня не примет!

— Мгм.

— Да что ты заладил: мгм да мгм! — юноша в отчаянии сел под деревом и отказался идти дальше.

Даос не злился и не торопился, он просто стоял рядом, молча глядя на него.

— Я хочу поехать на Юг, учиться рисовать талисманы! — выпалил юноша, скрестив руки на груди.

— В Цинсуй Цзюся тоже обучают искусству талисманов.

— Но я хочу в секту Ячжэн Лиянь, они не так придирчивы к талантам.

— Нет. — Голос даоса прозвучал холодно и решительно.

— Тогда я пойду в медицину, в секту Кунгу Цзэчжи.

— Нет.

— Тогда я побреюсь налысо и уйду в монахи. Бывай! — юноша вскочил и приготовился бежать.

Даос схватил его за шиворот, пресекая попытку к бегству:

— Нет.

— Ох, это тирания! Восстаньте, люди! Посмотрите на этого адепта прославленной секты, он издевается над слабыми! Где справедливость? Где закон? — Бай Ван, обездвиженный хваткой Инь Хуайсяня, начал взывать к толпе.

Зеваки поглазели, пошептались и разошлись. Один из них на прощание бросил Бай Вану:

— Поздравляю, раз тебя заметили в Цинсуй Цзюся, значит, твоим предкам очень повезло.

Да идите вы, ничего не понимаете!

— Даос, у меня правда отвратительные данные! Я только зря потрачу время! Ты издеваешься, потому что я не могу тебя победить, да? Да?! — Бай Ван продолжал брыкаться.

— Да, — спокойно ответил Инь Хуайсянь.

Ох, ну и бесит же он! Бай Ван на секунду опечалился, замолчал, подумал, отряхнул невидимую пыль с рукавов и сказал:

— Ладно, ладно. В секте проведут проверку, и ты сам все увидишь. Пошли уже.

Инь Хуайсянь, видя, что юноша успокоился, отпустил его и зашагал прочь. Бай Ван с любопытством спросил:

— Слушай, даос, а почему мы все эти дни идем пешком? Если бы мы летели на мече, то добрались бы за один день, верно?

Инь Хуайсянь вздрогнул, а Бай Ван, сам себе отвечая, продолжил:

— А, я понял! Чтобы лететь на мече вдвоем, нужно обнимать за талию, а ты стесняешься, да?! Я угадал?! Ну чего тут такого, мы же оба мужчины... Э-э-э!

Не успел он договорить, как Инь Хуайсянь схватил его за пояс и рывком поднял на меч:

— погоди!

— Не двигайся, стой смирно.

Бай Ван притих, потому что они уже взмыли в облака, и если дернуться — можно было распрощаться с жизнью. Инь Хуайсянь одной рукой придерживал его за пояс, сделал несколько кругов над городком и мягко приземлился на прежнее место.

— ...

Бай Ван остолбенел.

Погоди, я понял — ты не стесняешься.

Раз так...

То почему ты не летел на мече все это время?! Почему?!

Мы бы уже давно были на месте!

Зачем мы потратили столько дней на эту прогулку?!

Неужели... ты просто хотел подольше побыть со мной?!

Пока Бай Ван мысленно вопил, Инь Хуайсянь убрал меч и невозмутимо бросил:

— Пошли.

— Эй, подожди меня! — поспешил за ним Бай Ван.

На этом «пошли» разговор закончился. Еще один день пути в полном молчании — и они оказались у подножия горы Цинской.

<http://bllate.org/book/19399/1899628>